

18+

Мила Михайловна
Стояновская

**Сквозь
толщу
веков**

Мила Михайловна Стояновская

Сквозь толщу веков

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71307361

ISBN 9785006468825

Аннотация

О чем может рассказать сон, что повторяется иногда? История девушки из Средних веков, которая пережила немало трудностей, прежде чем стала счастливой. Вас ждут невероятные путешествия по странам средневекового Востока и Европы, вместе с героиней повести.

Содержание

~ Глава 1 ~	13
~ Глава 2 ~	24
~ Глава 3 ~	39
~ Глава 4 ~	50
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Сквозь толщу веков

Мила Михайловна

Стояновская

© Мила Михайловна Стояновская, 2024

ISBN 978-5-0064-6882-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Советская школьница Ася, окончившая восьмой класс, готовится к первому своему школьному балу. Будет ли он у неё, зависит от мамы, которая обещала раздобыть для Аси платье и туфли. Вот, наконец, и мама. Ася спешит на бал в школу. После праздничного вечера выпускники идут гулять по городу. Ася вспоминает свой сон, который снится ей иногда, повторяясь с определённой точностью. Ей снится средневековый замок у моря и девушка, чем-то слегка похожая на Асю, играющая на арфе, на балконе этого замка. Ася не может пока ответить на вопрос: почему этот сон повторяется и что он значит для неё? Но она отвлекается от своих мыслей, так как следующим утром она должна отправиться с одноклассниками в поход.

Вернувшись из похода, Ася рассказывает своей семье, как

было интересно в походе. Она с удовольствием проводит свои школьные каникулы и по-прежнему много читает. Случайно Асе попадает в руки материал о средневековой Италии, очень заинтересовавший её. Ведь накануне она снова видела во сне девушку, играющую на арфе, и слышала её имя – Паолина. Ася решает почитать о том времени больше, лишь бы не мешали школьные дела, которых в новой школе достаточно. Она и не подозревает, какую историю из толщи веков узнает в будущем.

Далее читатель попадает в маленькое поселение вольных хлебопашцев, живущих в 14 веке на берегу полноводной реки.

Главный герой повести, Ратибор, живёт здесь в любви и согласии со своей женой Велиокой. Ратибор охотиться, а Велиока по хозяйству управляется, и вместе ждут они своё первое дитя. Радостно воспринимается рождение девочки в семье, которую отец нарекает Баженой, одно только тревожит их. Повитуха предрекает Бажене неоднократную смену имени и странствия по неведомым странам, но одновременно говорит, что девочка будет счастливой.

Между тем дитя порастает. Ратибор отправляется в поле жать рожь, а в это время на деревушку нападают ордынцы. Деревня сожжена, жители её побиты насмерть, а молодые жители деревни и дети пленены. Хлебопашцы на поле тоже пленены, только Ратибора и Пересвета ордынцы убили, как они думали. Но Ратибор лишь ранен копьём татарским

в грудь. Он возвращается в сожженную дотла деревню, хоронит своих сородичей и отправляется к волхву, который помогает Ратибору восстановить силы и лечит его рану. Ратибор, испросив помощи у князя своего, отправляется с дружинниками в погоню за ордынцами. Но догнать скорбную процессию дружинникам не удаётся, слишком много времени вначале упущено. Уплыли они кораблём турецким к морским берегам по большой реке. Ратибор, отдав своего коня дружинникам, продолжает свой путь к морю, по которому пленников повезли дальше, и через некоторое время сам оказывается пленённым сарацинами. Рабов сажают в тесный подпалубный трюм и везут в неволю на корабле. Но налетевший шторм разбивает корабль в щепки. Ратибор хватается за канат на куске разбитой мачты с остатком крепления для парусов, и море носит его по пустынным просторам.

А корабль, что увёз раньше пленников из деревни, тоже попадает в шторм и люди отчаянно борются за свою жизнь. Наконец стихия утихает, и пленники благодарят Бога за своё спасение. Вскоре они прибывают в Османские земли. Всех сводят с корабля и разводят женщин в одну сторону, мужчин – в другую. Последний раз Велиока кидает взгляд на брата своего, Мстислава, мысленно прощаясь с ним, может быть, навсегда.

Ещё на корабле Велиока и Бажена заболевают лихорадкой. Велиоку с ребёнком продают двум братьям туркам, но заметив, что пленницы не здоровы и боясь заразиться

от них, турки бросают их на старой дороге, где редко кто ездит.

В то же время в доме богатого бея, живущего высоко в горах, в древней турецкой деревне, с утра переполох. Хозяин собирается в Константинополь встречать сына, окончившего обучение врачебному делу в медресе. Встретив своего Али, хозяин изъявляет желание вернуться домой по старой дороге, там меньше трясёт. Путники замечают на обочине женщину с ребёнком, которые пылают нездоровым жаром. Али забирает их в дом отца и лечит.

Выздоровев, пленницы остаются в доме Керим бея. Велиоке дают другое имя – Наджиля, а Бажену все здесь Бенеvшей зовут. Подрастает Бенеvша и становится маленькой танцовщицей, развлекающей гостей бея. А мама её искусно расшивает туфли, которые продаёт бей. Но вскоре, увидевший танец маленькой Бенеvши, богатый перс Бейбут выторговывает этих двух рабынь у Керима и собирается увезти обеих в далёкую Персию. Он хочет подарить девочку своей любимой жене, потерявшей два года назад дочь.

Ослабевшего без еды и питья Ратибора, подбирает в море торговое судно. Ратибор поневоле становится матросом этого судна, которое держит путь к османским берегам. Капитан корабля Дениз с сожалением прощается с Ратибором, который сходит на берег в Константинополе.

А между тем Наджиля и Бенеvша отправляются в Персию с караваном через пустыню, где на их караван обрушивается

ся грозная песчаная буря, а в конце очень длительного пути нападают разбойники. Но все преграды остаются позади, и путники благополучно достигают ворот большого персидского города Йезд. В роскошном дворце Бейбута встречает его любимая жена Вахида. Подарки для неё приносят в ларце слуги Бейбута, но он обещает своей возлюбленной ещё один подарок, который она увидит во всей красе во время празднования Навруза. Для этого Вахиду тайно проводят в мужскую половину дворца, где празднуют мужчины. И она, притаившись за окном на этаже сверху, видит танец маленькой девочки, который покоряет её.

Беневша сразу становится фавориткой Вахиды и привольно живёт в её покоях.

А Ратибор по улицам Константинополя ходит, думает, где и как жену искать и дочку. Уже два года Османскую землю топчет, хорошо говорит на местном наречии. Видит он колонну янычар, а среди них замечает Мстислава, братишку Велиоки. Земляки договариваются о встрече вечером. Из разговора с Мстиславом узнаёт Ратибор о том, что его любимые жена и дочь проданы в Персию. Он решает не бросать поиски и, чтобы скопить денег на дорогу, снова идёт наниматься в матросы. Увидев знакомое судно, Ратибор опять становится моряком на корабле капитана Дениза.

Проходит четыре года, и отчаявшийся Ратибор решает свести счёты с жизнью. Капитан Дениз рассказывает ему об острове, около которого когда-то разбился в шторм ко-

рабль с сокровищами, только они и до сих пор лежат на морском дне. И этот остров как раз недалеко на их пути. Ратибор решается на риск и плывёт к острову. Ему невероятными усилиями удаётся достать с морского дна часть сокровищ. Теперь Ратибор богат и может отправляться в Персию.

Тем временем Беневша с мамой живут у Бейбута. Мама – служанка в женском доме, а Беневша живёт у госпожи Вахиды. У Беневши проявляется дар прорицательности и она предсказывает своей госпоже некоторые будущие события: гибель слуги Фархада, который кормит диких зверей, находящихся в клетках, возвращение из очередного путешествия Бейбута и другие, «видит» она и скорую гибель своей госпожи от какой-то болезни. Но об этом Беневша не рассказывает Вахиде. Внезапно умирает и Наджиля – Велиока от укуса змеи. Девочка остаётся одна, теперь она такая же рабыня, много работает, и новая любимая жена Бейбута бьёт её.

Бейбут принимает решение продать шестилетнюю рабыню, но в это время к нему неожиданно приезжает знакомый итальянский купец Лоренцо Марино. Бейбут развлекает друга, как может. Лоренцо встречает у ручья маленькую девочку, играющую на сетаре, которая рассказывает ему о своём одиночестве. Марино тоже давно одинок и мечтает о детях, но не может иметь их. Он просит Бейбута продать ему маленькую рабыню и, сочинив историю о своём родстве, объявляет её своей дочерью. Вместе с Беневшей Лоренцо отправляется домой в Италию. Но уже почти в конце пути,

в море их настигает свирепый ветер Бора, который обрушившись на корабль, уносит девочку, вцепившуюся в ручку двери, в неизвестном направлении.

Долгие поиски Беневши, которую к тому времени уже зовут Паолиной, ни к чему не приводят.

Ратибор, достигнув порта в Константинополе, сходит с корабля богатым человеком и вскоре отправляется с караваном в Персию. Он рассказывает Бейбуту всю свою историю, но он снова терпит поражение: жены его нет среди живых, а дочь отправилась со своим названным отцом к берегам Италии. Однако Ратибор спешит ей вслед.

Злобный ветер Бора уносит Паолину на один из островов Венецианской лагуны. У девочки переломаны руки и ноги от сильного удара о землю. Её находят отец и сын семьи рыбаков, живущих на острове. Они вылечивают Паолину и хотят оставить её у себя.

Ратибор добирается в Венецию и приходит в дом Марино. Он рассказывает Лоренцо о своей злосчастной судьбе, и они вместе оплакивают девочку, так как считают её погибшей. Ратибор, потеряв последнюю надежду отправляется в обратный путь на собственном корабле к берегам Руси.

Паолина с отцом семейства Эспозито и его сыновьями отправляется на рыбный рынок Венеции. Её голосок и смех привлекает внимание двух моряков, которые служат на корабле Лоренцо Марино. Они узнают в девочке Паолину и сообщают об этом своему хозяину. Лоренцо отправляется

на остров за Паолиной. Девочка с отцом уплывает в дом Марино, в Венецию, теперь она наследница рода Марино, очень богатого и почитаемого. Лоренцо занимается образованием своей воспитанницы и много рассказывает ей о Венеции. Девочка снова абсолютно счастлива, прилежно учится, ей покупают арфу. Время идёт и Паолина становится девушкой, которой предстоит замужество. Чтобы определиться с выбором жениха она обращается к одному из священников церкви Фрари, по имени Джероламо.

Святой отец лечит людей и обладает даром провидения, но это преследуется инквизицией. Хитростью Паолина проникает к Джероламо в его каморку-лечебницу. Монах подсказывает Паолине, кого из женихов ей надо выбрать и объясняет ей, как она должна помочь девушке, которая снится ей иногда. И ещё он сообщает Паолине, что ей предстоит встреча с её настоящим отцом.

Во время свадьбы Паолины неожиданно в гости к Марино является Ратибор.

Он к тому времени стал русским купцом и путешествует по морям и странам по торговым делам. На следующий день после пышной свадьбы все собираются за большим столом и рассказывают друг другу об участии в этой истории. Все вместе они создают одну общую картину странствий Ратибора в поисках своей семьи и жизненном пути его дочери, приведшем её к счастью.

А Ася, окончив школу, мечтает поступить в археологиче-

ский институт. Она усердно готовится к вступительным экзаменам. И вдруг снова видит во сне девушку, некогда игравшую на арфе. У них во сне возникает разговор, который даёт Асе очень важную подсказку. Теперь девушка окончательно уверена в успехе при сдаче экзаменов. Она будет археологом и напишет книгу о первом воплощении своей души на земле.

~ Глава 1 ~

«Ну, когда же придёт мама? До начала торжества осталось всего полтора часа, а нет платья и туфель. В чём же я пойду на свой первый школьный выпускной, и пойду ли вообще?» – нервно покусывая губы, думала Ася.

Она посматривала в окно, выглядывала на балкон. Мамы не было, и на душе отчаянно «скребли кошки».

Всего несколько месяцев назад вся их дружная семья из шести человек переехала в новостройку города. В новую трёхкомнатную квартиру на пятом этаже с балконом. И теперь Асе приходилось добираться до школы на автобусе, который ходил не часто. Ездили они вместе со средней сестрёнкой, которая училась в третьем классе. Их двор, образованный новенькими пятиэтажками, быстро заселялся счастливыми новосёлами. В этот район съехались семьи со всех уголков города. Во дворе вечерами было много детей разных возрастов. Ребята познакомились друг с другом, но крепких дружеских отношений ещё не сложилось. Школа, которая всегда сплачивает детей, только строилась. Все ездили, заканчивая учебный год, в свои старые школы, и дружбу водили с прежними одноклассниками и ребятами из дворов, в которых жили до переезда.

...Мама ворвалась подобно вихрю и тут же бросилась гладить Асе платье. Оно было чисто белое, из хлопчатобумаж-

ной ткани, с красивой выработкой, затейливо переплетённых нитей в виде квадратиков. Мама сказала, что ткань называется «рогожка». Вырез «каре» украшал плоский бантик. Ах, какое оно восхитительное! Ася была почти счастлива.

– А туфли? — радостно улыбаясь, спросила она.

– Туфли? – эхом повторила мама, – С туфлями не получилось, но мы сейчас мои босоножки покрасим.

– Как покрасим? Чем? – Ася растерянно смотрела на потрёпанные белые мамины босоножки, – И им же ещё сохнуть надо.

Мама постелила на балконе газету, поставила на неё босоножки. Рядом появилась металлическая банка с краской, на которой было написано «НИТРА». Через десять минут сверкающие белые босоножки стояли на газетке.

– Ну, вот! – обрадовалась мама, – Как новенькие!

Босоножки сохли минут двадцать. У Аси был тот же, что и у мамы, размер. Чтобы меньше нервничать, Ася погрела на плите ужин для мамы и ещё раз тщательно умылась. Между тем она уже несколько раз выглядывала на балкон, посмотреть, как сохнут босоножки.

«Ура! Значит, у меня всё же будет выпускной! – ликовала в душе Ася, – Но я уже очень опаздываю».

Она всего минуту покрутилась у зеркала, с удовольствием оглядывая себя.

«Вырез у платья слегка великоват. Ложбинка между грудей чуть видна, но сейчас уже ничего не изменить. Надо бе-

жать!»

Завернув только что покрашенные туфли в газету, Ася помчалась на остановку автобуса. Ей повезло, она влетела в его салон прямо перед отправлением. И хотя оставались свободные места, Ася не села, опасаясь помять платье.

В школе было празднично, шумно. Играла музыка с магнитофонной ленты. Иногда она прерывалась, и через микрофон звучало поздравление завуча школы с окончанием учебного года. Асе стало грустно. Закончился её последний год в этой школе. Осенью она перейдёт в новую. К тому времени она построится, и Ася будет ходить в девятый класс прямо рядом с домом. Уже не придётся подолгу мёрзнуть на автобусной остановке и потом, озираясь и дрожа от страха, бежать домой по тёмной, перекопанной территории вдоль мрачных ещё недостроенных домов.

Конец шестидесятых. Время, конечно, достаточно спокойное. Но однажды целая ватага мальчишек гналась за ней в полной темноте позднего осеннего вечера. Ася летела, не разбирая дороги, перепрыгивая траншеи для коммуникаций в новых домах. Она убежала от тех мальчишек, непонятно зачем преследовавших её. Но страх поселился с той поры в самом уголке её груди и время от времени давал о себе знать. Ася больше никогда не засиживалась допоздна у любимой подружки.

Последний вечер с одноклассниками. С некоторыми, может быть, она не увидится уже никогда. Ведь бывает же и та-

кое. И грустно, и весело. «Взрослая. Уже совсем взрослая! Четырнадцать лет! Раньше в эти годы девушек замуж выдавали. А там семья, муж, дети, какая уж тут учёба... А я очень хочу учиться».

Она так увлеклась этими мыслями, что чуть не пропустила свою фамилию. Хорошо бдительная подруга ткнула её локтем в бок.

– Эй, уснула что ли? – прошипела Асе Ленка, – Иди, тебя!

Ася уверенно шагала к сцене актового зала.

– Поздравляю! – сказала завуч Зоя Ивановна, вручая Асе свидетельство об окончании восьми классов и похвальную грамоту за отличную успеваемость, а также за активную работу в школе.

Ася всегда любила учиться. Особенно её увлекала история. А от истории древнего мира она вообще была без ума. Уже давно решила для себя, что после школы будет поступать в институт на исторический факультет или на археологию. При мысли о том, что она сможет заглянуть вглубь веков, в ней возникала какая-то эйфория и необычайное волнение. Да ещё этот странный сон, который с удивительным постоянством повторялся в её сознании уже несколько лет, почти не меняясь по содержанию.

Вот и прошлой ночью Ася видела ту же картинку: грустная девушка в длинном платье из полупрозрачного, струящегося шёлка сидела на балконе с высокими колоннами какого-то дворца или замка. Её тонкие пальчики перебирали

струны арфы. Нежная мелодия плыла над морем, волны которого мягко бились о скалы или что-то другое прямо под балконом. Они с лёгким шелестом откатывались обратно, оставляя ключья белой, искрящейся в последних лучах солнца, пены на берегу. Печальным взглядом смотрела девушка в сторону моря, где плыл парусник, всё больше удаляясь от берега. Над волнами с резкими криками носились чайки. Солнце уже наполовину скрылось за кромкой морской воды на горизонте. Свет его последних лучей лился на высокие скалы – исполины, возвышавшиеся с двух сторон на выходе из бухты. И на этом фоне всё меньше казался парусник, уже вышедший в открытое море...

Как и откуда пришёл этот сон к ней, Ася не понимала.

«Может быть, сказка какая-то оставила след в памяти в виде этой картинки?» – терялась она в догадках.

В начальных классах Ася запоем читала всевозможные сказки. Больше других ей нравились сказки народов Востока. Они были длинные, с множеством персонажей: волшебников, джинов, всяких чудовищ, дэвов и, конечно, султанов и принцесс изумительной красоты. Но теперь она выросла и уже не читала сказок.

Впервые Ася увидела этот сон, когда ей было только одиннадцать лет. Девушка, что приснилась ей во сне, была обыкновенной. Назвать её восхитительной красавицей можно было с большой натяжкой, хотя дурнушкой она тоже не была.

С той поры Ася часто рисовала эту картинку в альбоме:

море, среди скал, уплывающий парусник и девушка, играющая на арфе. Шло время. За прошедшие годы сон повторялся несколько раз, и ничего не менялось в нём, кроме одного – девушка выросла вместе с Асей. И именно это удивляло больше всего.

...В зале играла музыка, и кружились в танце пары. Мальчики робко приглашали девочек. Асю тоже приглашали. Она замечала, что партнёры, не отрываясь, смотрят в вырез её платья. Она смущалась и сердилась на себя, но тут же, прогоняла эти мысли.

«Подумаешь, ложбинку груди увидел, – всё равно мне за тебя замуж не идти», – думала раздражённо Ася.

Злило ещё и то, что краска на маминых босоножках, потеряв свой «девственный» вид, потрескалась. И они выглядели теперь ужасно. Хорошо, что вскоре танцевальная часть вечера завершилась и всех пригласили на прощальное чаепитие.

После чаепития ребята высыпали во двор, стали фотографироваться. А потом стайками расходились по городу для традиционной прогулки по вечерним проспектам. Солнце скрылось за горизонтом, но сиреневые сумерки ещё властвовали над городом, погрузив его в атмосферу загадочности. Прохлада постепенно обнимала дома, нагретые за день жаркими лучами. В сумраке они были похожи на сказочных исполинов присевших отдохнуть и отдышаться после тяжёлой работы. В воздухе витали запахи цветов душистого табака

и пионов.

Ленка хохотала над шутками мальчишек. Ася вспоминала свой вчерашний сон и пыталась понять: почему он снова приснился ей и что это может значить? Ей так хотелось попасть туда, в свой сон!

«А что, если бы и правда я попала туда? Это, скорее всего, тринадцатый или четырнадцатый век. Что бы я там делала? Вот бы посмотреть хоть одним глазком, как тогда всё было..., – мечтала она, – Интересно, что они ели, пили, как развлекались, о чём мечтали?»

Незаметно вся их группа из пяти человек дошла до Асиного дома, и она поспешила проститься с компанией. Время было уже позднее.

– Ленку до дома проводите, не бросайте её, – попросила она ребят.

– Ну, что ты так рано домой собралась? Выпускной же! Сегодня можно и подольше погулять..., – стала упрашивать её подруга.

– Нет, Лен. Ты в поход завтра пойдёшь? – спросила Ася, и, увидев кивок согласия, продолжила, – Вот и я хочу пойти. Значит, собраться надо и выспаться. Так что вы, как хотите, а я – домой.

Дома все готовились ко сну. Ася быстренько приняла душ. С грустной улыбкой продемонстрировала маме босоножки, которые только и оставалось выбросить в мусорное ведро.

– У-у! – удивлённо подняв брови, улыбнулась мама, –

А выпускной как же?

– Да ничего, никто меня пристально не разглядывал, – успокоила её дочь.

Ася коротко рассказала маме о том, как прошёл выпускной вечер. Они вместе собрали рюкзак для похода.

– Кофту взяла? А куртку? – строго спрашивала мама.

– Мам, у меня спортивный костюм есть. Он тёплый. Не на Северный полюс едем. И всего на пять ночей. Зачем нагружаться, как верблюд? – отвечала Ася.

После непродолжительных препирательств, наконец, пришли к согласию, исключив из списка вещей кофту и оставив тонкую брезентовую куртку.

Ася лежала на кровати, подняв повыше ноги, чтобы снять усталость после прогулки по городу. Не спалось. Она вспоминала свой сон и пыталась представить незнакомую девушку, перебирающую струны арфы, как можно чётче. Она видела её тёмные волосы, локонами спадающие на плечи, её узкое лицо, с глазами фиалкового цвета, формы подобной глазам дикой серны. В своих мыслях она старалась наделить девушку если не красотой, то привлекательностью. Лёгкий румянец оттенял её южный загар. Нос чуть вздёрнут, тонкие брови, с изгибом придавали лицу нотку удивления, а маленькие пухлые губы с опущенными вниз уголками делали девушку печальной.

Асе виделись роскошные залы таинственного дворца, освещённые только факелами. Их пламя было беспокойно,

тускло мерцая в загадочной темноте.

«Интересно, а тогда у них только факелы для освещения использовали или были уже какие-то примитивные лампы? Надо будет в библиотеке в книжках покопаться, узнать об этом. А пока представлю факелы. Красиво и загадочно. Так, значит, продолжаем путешествие по дворцу и пусть он, как будто в скале построен», – продолжала фантазировать Ася, дополняя свой сон.

Факелы горели и в длинных, извилистых коридорах, ведущих в другие помещения в этом дворце.

Как только погас последний отблеск дневного светила, на море мягко опустилась ночная мгла, словно кто-то, не раздумывая, накинул тёмное покрывало на всё вокруг. Крупные золотые звёзды высыпали на небо и мерцали в его бархатной глубине, словно золотые монеты. Луна подобно большому блестящему диску повисла среди них и протянула по морской глади широкую дорожку отражающегося света. Она искрилась мириадами золотых искр и манила к тёплой волне, ласкающей то ли песчаный берег, то ли прибрежные светлые камни и толстые сваи, торчащие кое-где из воды.

Девушка посидела ещё короткое время, прислушиваясь к звукам ночи. На балкон с факелом в руке вышла служанка.

– Ваш ужин готов, госпожа, – с поклоном сообщила она, – вы пройдёте в трапезную или подать Вам его в Вашу опочивальню?

– Не беспокойся, Дёбора, я поужинаю в трапезной, – от-

ветила девушка, вздохнув.

– Не печальтесь, госпожа. Говорят, от тоски и печали портится кожа на лице, и тускнеют глаза, – уговаривала девушку служанка.

– Ах, моя пчёлка (именно это означало имя – Дебора), ты же знаешь, я скучаю по отцу, – грустно ответила Паолина.

– Всё будет хорошо, госпожа. Только две луны осталось до его возвращения. Уже совсем скоро его корабль войдёт в нашу гавань, – успокаивала Паолину Дебора.

Глаза Аси слипались. И вскоре она полностью погрузилась в сон, не успев закончить свои фантазии. Утром Ася уже довольно смутно помнила о том, что нафантазировала себе перед сном. Надо было поспешить в школу, где должен был ждать школьников автобус, который отвезёт их до районного центра. А уж оттуда группа туристов пойдёт своими ножками по местам боевой славы красных отрядов под командованием легендарного полководца времён гражданской войны Блюхера. Одновременно школьники будут собирать материал по краеведению для школьного музея. Но самое главное – это ночёвки в палатках, разговоры и песни у костра, со снопами красных, жёлтых и золотых искр, загадки танцующего огня, чай на травах и ранней землянике, совершенно другое общение с друзьями, которое не заменить никаким другим.

Разместились в автобусе. Ленка спала, склонив голову на плечо Аси. Она полночи прогуляла по улицам города. Автобус ехал, покачиваясь на неровностях дороги. Школьники

почти все добирали время сна. Даже учительница по географии и родитель, сопровождающие ребят в походе, «клевали носами».

Ася думала о той арфистке из своего сна.

«Этот сон не случайно снится мне. Что-то связывает нас: меня и эту девушку. Интересно, что? Мы совсем не похожи с ней. Только волосы одного цвета и глаза, а так – совсем не похожи...» – думала она, слушая, как посапывает во сне на её плече подруга.

Примерно через час автобус остановился на окраине большого села. Школьники высадились, распределили между собой груз и, не заходя в село, пошагали по дороге. Сегодня им предстояло пройти около 10 километров до привала, где они планировали заночевать.

~ Глава 2 ~

Русь 14 века. Широко раскинулись владения Дмитрия Донского. И людишек разного сословия проживало здесь немало. На землях великого князя Московского и Владимирского жила русская знать: бояре, игумены, Богу служащие, старшие и младшие дружинники, а также купцы. Тут и вотчина боярина Фёдора Васильевича Воронца. Живёт он в красивом тереме, как и другие бояре на Руси.

Их терема с высокими крылечками затейливой резьбой изукрашены. С белёными трубами, с тесовыми крышами, наличниками и балясинами* резными. Чем богаче боярин, тем выше и краше терем. На самом верху терема боярские спальни в башенке – хоромы под потолками сводчатыми, сказочными цветами расписанные. Внутри комнат столы и лавки парчой крытые, печи изразцовые. В иных теремах и невидаль заморская – зеркала имеются. На полу ковры персидские. И обязательно в тереме гридница есть просторная, где боярин с дружиною совет держит. И все их дела, и наказы разные в столбцах* прописаны. А ещё в гриднице пиры справляют весёлые да богатые. А окна в тереме слюдяные. Светло в нём. И самую светлую комнату так «светлицей» и зовут, боярыня здесь рукоделием занимается.

И подворье у боярина большое: тут и поварня, ледники, погреба и медуши, а ещё кладовые и зерновые ямы. И куз-

ница есть и конюшня. А челяди полон двор, и всяк свою работу исполняет.

Люди среднего сословия: духовенство, ремесленники тоже в хороших домах проживают, однако дома их не такие богатые и подворья меньше, утварь попроще, в другом же мало отличия.

Избы свободных хлебопашцев куда меньше, одна всего в них горница. И о парче здесь разве только слышали. А смерды, рядовичи, и закупы живут в землянках. Свои орудия труда имеют, скот. Все жители вотчины так или иначе трудятся не только на себя, но ещё и на боярина. И зовутся по его фамилии – воронцовские, по принадлежности к его землям.

На невысоком угорье расположилось небольшое поселение воронцовских свободных землепашцев, всего-то восемь изб. Долго выбирали мужики место для деревни. Сошлись на том, что лучше не сыскать, чем здесь, в излучине спокойной, богатой рыбой, реки. С одной стороны гора, с другой – река. По краям пашни и леса с множеством зверья. Тихо и привольно. Однако земля вокруг боярская или княжеская и только по наследству передаётся. И всяк, кто на ней живёт, платит дань боярину зерном из урожая или деньгами. Да ещё несколько дней в неделю работает на его землях, используя свои орудия труда. Таков закон.

Жили свободные хлебопашцы одной общиной, решая все дела, и верша суд все вместе, сообща. Зима 6877* года от со-

творения мира по действующему календарю, года жалящего шершня, зело* была снежной и холодной. В зимнее время у людей, привыкших пахать и сеять, работы вдвое меньше, чем летом.

Летом, кроме пахоты, бортничают жители общины, дерут лыко на лапти, рыбалят, да вялят рыбу на зиму. Скот разводят: коней, коз, овец, коров. Чтобы и сыр сварить и творог. Собирают по лесам да болотам грибы, ягоды, и духмяные травы для супов и настоев. И огород с редькой и репой обиходить надо. А зимой в короткие дни заняты они охотой, добычей в основном медведя, в лесах боярских. Дабы заготовить шкуры на зимние шубы и шапки. Ловят зайцев и лис, куропадок и тетеревов, векшу*, да куницу быструю в силки и петли. А встретится вепрь* или лют*, тоже в добычу сгодится. Но, охотиться на них труднее, так как поодиночке они почти и не ходят, а больше всё – стаями. Вот и Ратибор, сын Горыни все дни по лесу бродит, зверя отслеживает. Азартен он, смел и ловок. Без добычи домой не возвращается.

«Может, повезёт, встретится сох*, тогда мяса на всю зиму хватит, и душенька моя, жёнушка довольна будет» – размышляет Ратибор, крадучись по глубокому снегу.

В минувшем году обзавёлся он любушкой-женой. Взял за себя Велиоку, девицу четырнадцати лет. Увидал её во время прошлогодней жатвы хлебов. Попросил водицы испить. Подала ему девушка студёной воды в ковше. Лишь раз подняла глаза на Ратибора. Полыхнуло из глаз её нежным цве-

том фиалковым и опалило сердце ретивое молодца. Не смог забыть он тот взгляд, неотступными мыслями о Велиоке изводил себя.

Не сложилась жизнь у него с первой женой, Заряной. Почитай и не жили совсем. Занедужила Заряна. Ни одна знахарка не смогла её вылечить. Так и сгорела от неведомой хвори, не оставив ему потомства. Сильно скорбел Ратибор. Два года ходил он во вдовцах. Однако живым о живых думать надобно.

Пришёл на землю русичей праздник. Девушки и парни в праздничные одежды обрядились. Песни поют, Ивана Купалу славят, хороводы водят, через костры высокие прыгают. Девушки из цветов венков наплели, в реку их бросают на счастье. И Велиока вместе с подругами веселится.

Подошёл к девушке Ратибор, взял за руку. Зарделась, засмущалась Велиока, щёки, что алые маки, покраснелись. Давно исподтишка поглядывала она на Ратибора с думками тайными.

«Уж так пригож! Волосы льняные по плечам из-под очелья*. Глаза цвета мёда дикого, ясные и добрые. Статен и плечист. А уж силушка богатырская в руках играет! Вся работа ему по плечу», – любовалась им Велиока на работах и на праздниках во время поединков шутливых среди мужей боярину на потеху.

Ратибор сразу спросил:
– Пойдёшь за меня?

Она только глаза подняла, головой кивнула:

– Угу!

– Тогда сватов ждите. Родителям скажи: завтра приду, – предупредил Ратибор.

Так и поженились. И было гулянье свадебное с хмельным зельем, с песнями весёлыми и играми, с угощениями щедрыми.

Привёл жених девицу в свой дом. Жил Ратибор небогато. В избе печь топилась по-чёрному. Как затопишь её, дым в избу идёт и через соломенную крышу к небу тянется. Для того чтобы он глаза не ел и угарно не было, в стене под потолком волоковое окошко. Это отверстие такое, тряпьем заткнутое. Кроме печи в избе стол и лавки широкие, на которых и сидеть и спать можно. Поставцы* на стенах с посудой. У одной лавки ткацкий станок и прялка. Вместо кровати – полати, чугушки и ухваты для приготовления пищи, да ещё сундук с одеждой – вот и всё богатство. В избе почти всё время темно или сумрачно. На окнах-то бычий пузырь. Свет почитай не пропускает, даже ясным днём, так что всю работу по дому при светце делать приходится. Весело трещит лучина в светце, стекая мелкими угольками в плошку с водой. Мужья на охоте, а жёны в усадьбах, в избах своих работу домашнюю справляют. Велиока наварила похлёбки и полбы* с редькой. Ожидая мужа, ладит ему рубаху, расшивая её красными узорами по вороту и груди. Поглаживает её рукой, представляя любимого мужа, приговаривая: «Свет очей мо-

их, Ратиборушка». Нынче Велиока в тягости, ждёт ребёнка. Ждёт и Ратибор своё первое дитя.

Чу! Снег за дверью скрипит. Это муж с охоты вернулся! Велиока к двери кинулась, мужа встречать. Ткнулась лицом ему в грудь, ожидая ответного тепла от господина своего, мужа любимого. Ратибор, скинув овчинный полушубок, обнял жену, заглянул ласково в большие, распахнутые от радости глаза Велиоки. А в них словно фиалки цветут. Тепло и нежность растеклись в душе Ратибора. Счастлив Ратибор с женою своею. Согласен век так жить, детей растить и радоваться.

В середине весны проснулись воды, зашумели весёлыми, говорливыми ручьями. Побежали торопливо по лугам и пашням, стараясь полнее напоить их влагой. Пришло время Велиоке рожать. Бабка ведунья роды приняла, огласил крик новорожденной избу счастливых родителей. На вопросительный взгляд Велиоки о судьбе новорожденной ответила:

– Много дорог перед ней лежит, много испытаний. Несколько имён сменит, но счастье своё найдёт. Боле ничего не скажу.

Запечалилась Велиока, тревожным взглядом на мужа смотрит, глаза слезой засветились.

– Не тревожься, лебедица. Доченька наша будет счастливой. Лучшего и желать не надобно, – успокаивает её Ратибор.

Радостный отец решил дать дочке имя Бажена, что озна-

чало «желанное дитя».

Тут и время пахать пришло. Велиока дома с малыш-кой. А Ратибор с общинниками в поле землю пашет. Хоро-ша земля! Плодородна. Не жалеют зёрен хлебопашцы, то-ровато* сыплют во вспаханный пал. Что не посади, всё так и прёт. Растёт и людей радует. Радостно сеют люди, ждут бо-гатого урожая. Цветёт земля, возрождается к новой жизни. Луга и лесные поляны благоухают медовыми запахами ты-сяч цветов. Колосятся высокие травы. Трели птиц раздаются в небе, в ветвях дубрав и рощиц. Табуны коней вольно па-сутся в пойме реки. Ширь полей глаз радует. Благодать, да и только!

Но не расслабляются русичи. И в поле, и в лес берут с со-бой рогатину и лук со стрелами, а чаще дубину от «лихих» людей. Для защиты от набегов ордынцев*.

Хитры и жестоки подлые татары. Скрытно пробираются к пашням и поселениям русичей. Убивают, насилуют жен-щин, разоряют и грабят жилища, скот и людей угоняют, а ча-ще вырезают всех до единого. Никого не щадят: ни женщин, ни детей. А после сжигают всё: и посева, и избы.

В трудах ежедневных и заботах пролетело жаркое лето. Стоят хлеба, на ветру золотой волной перекатываются. Ко-лосом тяжёлым к земле клонятся. Густы, колос к колосу – косой не взять, а убирать уже пора.

– Ты, душенька, поутру не спеши. Обед сготовь. Бажену накорми, а тогда и приходите в поле. А пока я сам буду жать

и вас, любушек моих поджидать, – говорит Ратибор жене.

– Как прикажешь, Ратиборушка, свет очей моих, – отвечает Велиока, – мы скоренько.

Легко на сердце, песни поёт Велиока, с делами управляючись. Печь затопила, кашу варить поставила. Собирает обед мужу любимому: тут и мясо вяленое, и репа пареная, и простокваша густая. Скоро и каша поспеет. Велиока уж и дочь покормила. Мала ещё Бажена. Только сидеть научилась. Сидит на полу щепочками играет.

Вдруг топот коней раздался, дверь растворилась настежь. – Аль забыл чаво, Ратиборушка? – повернулась Велиока от печи.

Глядь, а в избу ордынец ворвался. В шлеме остроконечном кожаном, в длинном пёстром халате с металлическими пластинами. За спиной его лук и колчан со стрелами, на поясе палаш – сабля прямая. Чёрный, как головёшка и глазами быстрыми, чёрными по сторонам рыщет. Подбежал к Велиоке, схватил её за шёлкову косу, лопочет что-то по-своему, в Бажену перстом тычет. Догадалась Велиока дочку взять на руки. Прижала её к своей груди крепко. А татарин из избы её тянет за косу. Выволок ордынец Велиоку из избы. Глядит она по сторонам и видит: татары, как тараканы, по деревне носятся, кто конный, кто пеший. Крики, плачь, разорение. Люди от страха в разные стороны бегут, но их стрелы татарские нагоняют. Арканы над головами кружат, петлёй горло давят, не убежать. Старики все побиты, мёртвые на земле

лежат. Избы горят кругом. И на её жилище, на крышу соломенную факел смоляной полетел. Занялся огонь, всё в один момент охватил объятиями своими жаркими. Дым и смрад по деревне. Заледенела душа от страха. Что ждёт её? Смерть или полон?

Татары кнутами щёлкают, пленников сгоняют вместе. Жнецов с поля пригнали, кто жив остался. Только Пересвета и Ратибора среди них нет. Заплакала Велиока, зная погиб Ратибор в неравной схватке с ордынцами. Не придёт на помощь, из беды не вызволит. Дрожит Велиока, сознание мутится. Бажена плачет, а мать ей рот зажимает, чтобы татарин не зарубил.

Ордынцы кричат на языке своём непонятном, гортанные крики их как ножом воздух рубят. Женщин верёвками друг с другом связали. Верёвки грубые, больно шею трут.

– Боже! Божечки! Куда ж нас? Куда? – плачет Велиока, – Никто нам не поможет, – горестно через слёзы шепчет она, крепче прижимая к себе дочку.

– Бога моли, что в полон, – шепчет подруга её Млава, – хоть живы...

Мужчин связали отдельно. Крепко вязали и руки и ноги, так, чтобы только передвигаться могли. Глазами яростно сверкают ордынцы. Только молодых мужчин и мальчиков в пленники отобрали. Жестоки, бьют пленников в кровь, чтобы послушнее были. А тех, что постарше, побили палашами насмерть, кровью залив землю у горящих изб деревни

вольных хлебопашцев. Убили и родителей Велиоки, а брата её меньшого Мстислава с другими вместе связали.

Засвистели над головами пленённых кнуты татарские, двинулась процессия горестная в даль неведомую, на чужбину далёкую, в неволю. Стоны и плачь над ней. А татары ни говорить, ни оплакивать свою судьбу не дают, так и ходит плеть по спинам пленников.

Только под вечер очнулся Ратибор, лёжа среди ржи. Почти всё поле огнём выжжено. Запах гари по-над полем с прохладой от реки смешивается. Дышать трудно, грудь, пронзённая копьём татарским, от нестерпимой боли ноет, кровь по всей рубaxe запеклась. С трудом поднялся Ратибор на ноги. Осмотрелся – нет никого. Один Пересвет, раскинув руки и ноги, поверженный палашом лежит. Не живым взглядом в небо вечернее на первые звёзды смотрит. Сел Ратибор на землю подле убиенного друга своего. Обхватил голову руками, застонал от боли душевной, что сильнее была, чем боль телесная от раны. Всё вспомнил Ратибор, что нынче на жатве случилось. Как выскочили на конях из леса татары бóльшим числом, чем хлебопашцы, вдвое. Пожалел Ратибор, что палицу свою и меч на другом краю поля оставил там, где жатву ранним утром начал. Лишь один короткий меч с ним. Выхватил его из ножен кожаных Ратибор, а тут прилетело копье ордынское прямо в грудь. Сразило богатыря, упал он в колосья золотые и померк свет в очах его. Так и пролежал до самого заката, истекая кровью.

На ослабевших ногах побрёл Ратибор к деревне своей, только и тут нерадостная картина открылась взору его Люди, насмерть побитые лежат, на месте изб одни головёшки. Там, где ранее его изба была, тоже одни уголья, да чуть поодаль очельник Велиоки на земле валяется. Поднял его Ратибор, зарыдал горько. Понял он, что Велиоку и Бажену татары в плен угнали.

«Должно ещё утром это случилось. Вон уголья пеплом подёрнулись, не тлеют вовсе. Знать уж далёко ушли, без коня не догнать. А коней вместе с другой скотиной тоже угнали. К боярину на поклон идти придётся, помощи просить. Только вначале схоронить людей надобно», – решил Ратибор.

Всю ночь Ратибор рыл большую могилу для сельчан, а потом хоронил всех. Принёс и Пересвета с поля. В общей могиле схоронил. Ранним утром, только взошла заря, уставший, побрёл Ратибор в другое селенье к волхву. Встретил его старец седой, живущий на самом краю селенья. На посох опирается одной рукой. На плече филин сидит, перья пёстрые, головой крутит. Дошёл Ратибор до старца и, обессилевши, у ног его упал.

Очи открыл только к вечеру другого дня, заговорил жарко:

– Помоги, Велимудр, дай мне снадобье, чтобы рана скорее затянулась и силы ко мне вернулись. Поеду Велиоку и других наших сельчан из беды выручать.

– Слаб ты ещё, Ратибор, рано тщиться* тебе с татарами

силами мериться. Полежать тебе надобно. Сил поднабраться, я тебе целебные настои приготовлю, рану полечу. Нету у тебя сейчас мочи. Что ты сделать сможешь, да ещё один, без подмоги? – говорит ему знахарь.

– Я у боярина помощи просить хочу. Чай не бросит он нас в такой беде, – отвечает ему Ратибор.

– Времени уже много прошло, да куда от боярина помощи дождёшься, ещё сколь пройдёт. Сможешь ли догнать угнанных в полон? – засомневался волхв.

– Что ж, смириться? Не пытаться даже? Нет, не смогу я! Никто меня не удержит. Надобно ехать, выручать своих из плена татарского! Благослови, Велимудр.

– До утра погоди. Ночью ты добыча лёгкая и для зверя, и для лихого человека, отдыхай до зари, – опустил волхв руку на чело Ратибора.

А как разлилась малиновая заря на горизонте, поднялся с ложа Ратибор.

Только вздыхал и головой качал Велимудр. А потом дал Ратибору кореньев целебных и настоев лечебных. Долго смотрел вслед смельчаку, провожая в путь-дорогу. А Ратибор стопы свои в сторону двора боярского направил.

Уж к вечеру пришёл во двор к боярину Фёдору Васильевичу. Принял его боярин во дворе, восседая на стуле резном со спинкой высокой. Под ногами его шкуры звериные. Сам он в кафтане, золотом расшитом, широким дорогим кушаком опоясан с кистями из золотых нитей. Поверх кафтана

охабень* с козырем*, соболиным мехом подбитый. В сапожках красных сафьяновых и шапке—мурмолке* с высокой тульей, камнями дорогими расшитой. Круг него слуги верные и стража с топориками.

— По што явился пред очи боярские? О чём просить хочешь? — строго взглянул на хлебопашца Фёдор Васильевич.

Рассказал ему о своей беде Ратибор. О том, что нет больше поселения свободных хлебопашцев воронцовских. Избы в деревне дотла сожжены, коней нет, скот татарами угнан, а люди кои побиты, а кои угнаны в полон. И среди них молодая жена Ратибора и дочь их долгожданная.

— Прошу тебя батюшка, Фёдор Васильевич, не оставь меня в беде. Дай коня и часть дружины своей. Догнать хочу ордынцев, освободить пленников. Домой вернуть жену свою Велиоку и доченьку несмышлёную. Я за милость твою отработаю, а за помощь век Бога молить стану. Смилуйся, батюшка, помоги!

— Да, жаль мне деревню твою, Ратибор. Зело хорошие были работники, и дань хорошую отдавали. Людей жаль невинно убиенных. А ордынцев надобно проучить, нето повадятся деревни разорять. Так уж и быть. Дам я тебе и коня и десять младших дружинников во всеоружии. Сроку тебе десять дён на все дела. Освободите пленников — благо вам будет и никаких долгов возвращать не надобно, а нет — назад возвращайтесь, отрабатывать. Да поспешайте! За время это татары должно далеко ушли.

Прошло не более часа, как небольшой отряд дружинников и с ними Ратибор поскакали вслед татарам.

**Балясины – столбики перил на крыльце или балконе дома.*

**Столбцы – листы бумаги, склеенные в виде свитков.*

**6877 год от сотворения мира – 1370 год по современному календарю.*

**Зело – очень.*

*Векша – белка.

*Вепрь – кабан.

*Лют – волк.

*Сох – лось.

*Очелье – шнурок или ленточка, придерживающая волосы.

*Поставцы – полки для посуды.

*Полба – каша из полудикого сорта пшеницы.

*Торовато – щедро.

*Ордынцы – монголо-татары.

*Тщатся – стараются.

*Охабень – верхняя мужская одежда с длинными рукавами или без них.

*Козырь – высокий воротник.

*Мурмолка – вид шапки с меховыми отворотами.

~ Глава 3 ~

Медленно бредут пленные. Подгоняют их татары плетью, только и слышен свист её над головами несчастных. Рубахи кровью запеклись на спинах. Татары все на лошадях и свободные лошади имеются в достатке, и телеги прыгают по ухабам дороги, но не позволяют ордынцы даже самым ослабевшим сесть на них. Солнце печёт безжалостно. Воды дают мало, по два – три глотка, а еды и вовсе не дают. Себе на кострах баранов жарят, едят вдоволь. Пленникам же, как собакам, только кости кидают.

Всего третий день идёт горестная вереница, а уж ноги в кровь сбиты. Каждый шаг болью в теле отдаётся. От верёвок на шее кровавая полоса, и по дороге за пленниками след кровавый стелется. От голода в глазах пелена и слабость в теле. Молоко у Велиоки в груди почти пропало, нечем дочку кормить. Ослабела и Бажена. Личико бледное, ручки плетями висят вдоль тела, глазки закрыты. Не смеётся, не играет, лежит на руках матери бесчувственно. Тихо плачет Велиока, слёзы горькие глотает.

«Разве лучше смерти неволя, как Млава говорила? – думает она, – Что будет с нами? Только бы доченьку сохранить, лишь бы она жива осталась».

Татары выбрали из пленниц красивую, молодую девушку Настёну, только тринадцать ей сравнялось. Увели с собой,

насильничают. Кричит бедняжка, мать её уж и плакать устала, взором безумным на всех глядит. А помочь нечем. Боятся женщины, красивых среди пленниц много. Кого ещё постигнет та же участь?

Ещё несколько дней бредут, из сил выбиваются.

Ордынцы что-то кричат, пальцами своими чёрными в вереницу невольников тычут.

– Смотри, – говорит один, – совсем плохие стали. Плохой товар. Кто купит? Совсем мало дирхем дадут. Кормить мала-мала надо, а то подохнут в дороге. Женщин в телегу надо посадить, – говорит один другому.

– Зачем кормить? Дойдут. Стегай больше, быстрее пойдут, – отвечает ему второй.

– Нет. Совсем немного кормить всё же надо. Дороже продадим. Мне дирхемы нужны. Жenu себе взять хочу.

– А мне тяньга не нужна? У меня долгов, что блох на собаке! Невольников надо в Османских землях продавать, на невольничьем рынке в Константинополе. Я слышал: там за них хорошую цену дают. Да только как туда добраться?

– Чтобы туда попасть, да ещё с рабами, тоже дирхемы нужны. Много. А у нас их нет! Лучше продадим их работорговцам на корабль, дальше – их забота. А мы деньги получим и опять на русичей нападём. Опять пленных возьмём и снова продадим.

Ничего не поняли русичи из гортанной речи ордынцев, но отдыху обрадовались. Повалились в траву у дороги, кто

как смог.

Татары костры разожгли. Пленникам похлёбку жидкую в ведре сварили, себе баранину зажарили.

Горячая похлёбка. Ни мисок, ни ложек нет. А татары кричат:

– Эй, урус! Аша, аша! (Эй, русские! Ешьте!)

Торопятся пленники, обжигаются. Хотели рукой черпать, обожгли руки кипятком. Стали дуть на варево, собрались у ведра кучей. Татары над ними потешаются, во весь голос смеются. Костями в невольников кидают. Один ордынец, самый злоющий, подбежал к ведру, пнул его ногой, разлил варево по земле. Голодные люди землю, траву лижут. Нет, не утолишь так голод.

Засвистели опять кнуты татарские, дальше пошли невольники. Пощадили ордынцы женщин, в телеги посадили, как увидели, что совсем слабы они стали, еле идут. Велиока едва ребёнка держит, чуть не уронила. И другие малыши руки матерям оттянули. Не могут они сами идти, а не бросишь, враз зарубит татарин. Терпят матери, несут из последних сил чад своих.

На телегах тесно, а всё же не ногами по стерне да по каменистой дороге. Хотя глаза прикрыть на время можно. Тянется скорбный обоз. На телегах ещё семь дней ехали. Мужчины совсем из сил выбились, еле тащатся. Татары стали кормить пленников, но еды слишком мало и больше пустая она. Однако бредут невольники. Всё ближе к реке полноводной,

всё дальше от земель воронцовских.

...Скачет Ратибор с дружинниками по лугам, по ухабистым дорогам и лесным тропам. Внимательно смотрят по сторонам, всё примечают. Вот клочок ткани от рубахи длинной, женской, потрёпанный, в пятнах крови. Знать ногу пыталась какая-то молодлица перевязать. Видно, пеши бредут пленники.

– Коли так, нагоним! – говорит Ратибор.

Вот след от костра. Один пепел, угли старые, уж не раз роса на них падала. Видно всё же далеко ушли ордынцы, далеко пленных увели.

– Остановиться надобно, Ратибор. Всю ночь на конях и сейчас уж темень кромешная. Устали кони, напоить, накормить животину надо, да и самим отдохнуть надобно, – просят дружинники. Мало нас и, если придёт пора с татарами биться, силы нужны.

Слаб Ратибор, лицо бледное, в глазах пелена от усталости. Не хочет он отдыхать, а надобно. Остановились русичи среди леса тёмного, костёр разложили. Филин гулко ухает, выпь на болоте кричит. Спят дружинники, сил набираются. И кони рядом вольно пасутся. А только запели птицы ранние, и окрасился горизонт цветом розовым, опять в погоню кинулись.

– Глянь, Ратибор, след от телег глубже стал. Здесь людей на телеги посадили. Быстрее пошли, – говорит один из дружинников.

– Видать так, – вторит ему другой, – крови на траве и на камнях как будто меньше.

– Торопиться надобно, мало дён у нас осталось. Поспешим! – хлестнул коня плетью Ратибор.

...Подгоняют невольников ордынцы, торопятся. Свои тяньга спешат получить. Споры затевают за кого из пленников больше дирхем дадут.

А невольники слушают речь их непонятную, молча гадают: о чём спорят они? Ещё один день, что в десять дней показался, прошёл. Блеснула водами своими широкая красавица – река. Пленники оживились, чуть быстрее пошли. Вот уж и берег. Корабль на волнах покачивается у самой кромки воды. Знать, глубока река. Припали пленники к воде, впервые за долгий путь напились и умылись.

И татары повеселели, сторговались с владельцем корабля быстро, денег ждут, удачной торговле радуются.

Хозяин судна, темнокожий турок, в белых широких шароварах, в такой же блузе, в чёрной безрукавке. На нём шапочка, обвитая несколько раз шарфом белым, шёлковым, тюрбаном зовётся и туфли с носами вверх загнутыми. Его команда в таких же одеждах, только ткань у них простая, а цвет серый или коричневый. Хозяин степенный и важный. Помощники его быстрые, всяк своим делом занят. На судне одномачтовом всюду порядок.

Погрузили невольников на корабль с серым парусом. И поплыл он подгоняемый ветром по реке, среди высоких

берегов в даль неизвестную. Гребцы плыть скорее помогают. С обеих сторон корабля по пять гребцов дружно вёслами о воду ударяют. Плывёт корабль белым лебедем, унося пленников от родной земли всё дальше. Безрадостно глядят невольники по сторонам: на реку, на леса, покрывающие берега, в глазах же их печаль и слёзы. Далеко теперь их родина, увидят ли они её когда-нибудь?

Скачут дружинники по следам татарским. Мало спят, а то не отдыхают вовсе. Устали. А Ратибор поторапливает.

– Помогите, друже! Помогите догнать ордынцев, отбить пленников. Наши русичи под плетями татарскими стонут, дети, женщины. Неужто кинем их в беде? Душа изболелась, на ленты рвётся, чует: не увижу я больше своей любушки Велиоки. Поспешим, догоним татар. Ещё хоть разок взглянуть на неё...

Настёну мёртвую на обочине нашли. Истерзана девушка, всё тело в кровоподтёках, губы в кровь искусаны. Догадались, какая её участь постигла. Сердце от боли зашлось.

Не надо боле подгонять их, сами горят желанием с ордынцами за поруганных русичей поквитаться.

Скачут дальше. Вдруг шум впереди послышался, голоса громкие, топот коней.

Затаились дружинники в чаще лесной. Глядят: едут ордынцы, довольные, смеются, ничего не опасаются. Много больше их, чем дружинников. Но вскипела кровь в жилах воинов.

– У-у, басурманы! Нехристи проклятые! Не топтать вам боле землю русскую, не мучить русичей!

Налетели вихрем огненным на татар дружинники, стремительно, как соколы. Сразу почти половину ордынцев положили. Бьются, аки звери, безжалостно. Только звенят мечи о доспехи татарские и пики острые в ход идут. В мечи свои такую ярость вкладывают, что одним ударом басурманов вместе с конём наземь опрокидывают. Опомнились татары, озлобились, как псы цепные. Пошла сеча пуще прежнего. Долго бились дружинники с ордынцами. Двух воинов потеряли, кровью всю землю вокруг залили, но побили всех до единого. Огляделись: нет никого, все татары повержены, на земле лежат. Повалились с коней, обессиливши, и заснули мертвецким сном. Сколько проспали воины, то неведомо. Проснувшись, похоронили друзей своих ратных и снова в путь тронулись. Недолго ехали дружинники, покуда к реке широкой подъехали.

Величественно несёт свои воды река, пустынна, до самого горизонта нет на ней ни одной лодчонки. У берега её следы обоза с пленниками пропадают. Видно, дальше невольников по воде увезли. Сел Ратибор на землю, застонал от боли душевной.

– Что теперь делать? Где Великоу искать?

– Прости Ратибор, не можем мы с тобой дальше ехать. Возвращаться надобно к господину нашему Фёдору Васильевичу. А ты что решаешь?

– Нет, пока не отыщу Велиоку или хоть след её и доченьки моей Бажены, не вернусь, – отвечает им Ратибор.

– Знать, не быть тебе больше вольным хлебопашцем, знаешь ведь: за нарушение договора лишаешься ты всего, что есть у тебя. Теперь ты холоп боярский без прав и без имени.

– Боярину от меня поклон земной за помощь. А отбирать у меня нечего, без них, моих любушек мне и жизнь не мила. Коня моего заберите. И тех, что у татар отбили, тоже. Найду своих, до гроба на боярина работать буду, так и передайте, – поклонился дружинникам Ратибор.

Обнялись воины с Ратибором и в обратный путь отправились. А Ратибор по берегу реки пошёл, по течению...

В то же время на корабле турецком. Турки еду принесли. В чашках зерно сарацинское*, рыба солёная. Набросились люди на еду. Съели всё до крошечки, а глаза голодные, не наелись. У Велиоки снова молоко грудное появилось. Насосалась Бажена, заснула спокойно, а к вечеру бледность с личика чуть сошла, стал румянец проглядывать.

День плывут, два, три... долго плывут. Однажды под утро в море вышли. Воздух другой. Вода без края, берегов вовсе не видать, чайки над волной кружат с резкими криками. И ни лодочки, ни судёнышка... Корабль на волнах сильно качается, устали люди от качки. Зато раны на ногах зажили. Воды кругом много, а помыться негде. Много дней плывёт корабль, легко по волнам идёт. Свежий ветер парус надувает. Капитан опытный, умело гребцами руководит. Солнце ярко

светит высоко в небе, облаков почти нет. Грустит Велиока, тяжело у неё на сердце, больно.

«Вот горе, – думает она, – родители наши и муж мой Рати-борушка не прибранные остались, не похороненные по-христиански. Теперь звери да птицы косточки их растащат. Вот горе! А с нами что будет?»

Турок подошёл, показывает женщинам на гору белья. Знаками объясняет: стирать надо. Мужчины воду достают, в большие чаны наливают, а женщины стирают бельё. Работа эта с первого дня на корабле пленникам знакома: всё мыть и стирать.

Как-то раз на ярко-голубом небе среди белых облаков, появилась тучка серая. Ветер усилился, так и рвёт парус.

– Firtinageliyor! Firtinageliyor!* – выкрикивают беспокойно матросы.

Забегали, команды капитана исполняют. А капитан кричит грозно, рукой показывает: кому, где и что делать надобно. Гребцы вёсла подняли, не гребут, тоже команды капитана слушаются.

Тучка та в миг один большой сделалась, заволокла всё небо серой, тяжёлой хмарью. Ветер уже не просто дует, беснуется, с ног валит.

– Всех невольников друг за другом вяжите и к борту, чтобы ветром не унесло и волной не смыло! Детей пусть сами к себе привяжут! – кричит сквозь гул капитан.

Его слова в шуме волн тонут. Поднялись волны выше бор-

та, тёмные, страшные, белой пеной бурлят на гребнях, на палубу обрушиваются. Подбежали матросы к пленникам, снова путы накинули, всех вместе одной большой верёвкой в вереницу связали. Лопочут по-своему, на детей показывают, их тоже к себе привязать приказывают невольникам. Другие парус убрали, кинули пленникам, чтобы от воды детей укрыли и держали парус крепко, воду дождевую собирая. Мачта стонет, скрипит, обрывки снастей корабельных на ветру путаются. С неба ураганный ливень льёт. Промокли все до последней ниточки.

Не робеет капитан, видно не впервой ему такая напасть. Твёрдо на ногах стоит, чётко отдаёт команды своим помощникам. Волны с грохотом в борт бьются, разнести по брёвнышку судёнышко хотят. Корабль, как щепку малую по-чёрному, бушующемупростору носит, того и гляди

опрокинет в пучину кипящую. Люди к Богу взывают, чтоб помиловал их. Дети криком кричат от страха. Всем страшно. Кругом ад. Сверху ураган, внизу пучина бездонная. Безжалостный шторм на море.

Несколько часов продолжался разгул стихии, несколько раз за это время люди готовы были с жизнью проститься. Только милостив Бог, не дал в этот раз погибнуть. Буря помаленьку утихала, всё меньше становились волны, и свирепый ветер уже не выл, как грозный, раненый зверь, не сбивал с ног промокших, уставших матросов. Вот и первый солнечный луч пробился сквозь тяжёлые тучи, и только редкие за-

поздалые капли уходящего дождя шлёпали о мокрый парус.

Вздохнули люди, ещё не веря, что стихия отступила. Возблагодарили Бога за спасение своими молитвами. Матросы снасти прибирают, воду дождевую, пресную в бочки сливают с паруса.

Снова много дней плывёт парусник по морским просторам... Наконец, вдали синей дымкой земля показалась. Лодочки на волнах качаются. Корабли под парусами у причалов стоят. Вот он – берег османский, страна чужая...

**Зерно сарацинское – рис.*

**Firtina geliyor! Firtina geliyor! – Штормидёт! Шторм идёт (турецкий).*

~ Глава 4 ~

Ася вернулась из похода немного уставшая, но весёлая улыбка не сходила с её лица. Дома её радостно встретили сестрёнки. Помогая разбирать походный рюкзак, они с любопытством разглядывали старшую сестру, отмечая, что она загорела. Вскоре с работы вернулись родители. За ужином мама спросила.

– Вижу: удался поход? Понравилось?

– Ещё бы! – восторженно ответила Ася.

И она захлёб начала рассказывать всем о том, как впервые в своей жизни сама рыбачила на удочку и даже поймала несколько рыбёшек, как пекли на костре картошку, как интересно было собирать растения для гербария и узнавать их совершенно удивительные свойства. Маргарита Ивановна умела рассказывать обо всём просто сказочно.

– А какой рассвет мы наблюдали! Солнце прямо перед нами всходило. Огромное! В полнеба, как в сказке! Я раньше никогда-никогдашечки такого не видела, даже в кино! Нет, этого рассказать нельзя, это увидеть надо! А знаете, с какими людьми мы встречались? Они самого Блюхера видели и столько нам про его походы рассказывали. Правда, они старые все, а глаза, как у молодых, горят. Сами в будёновках и сабли у них есть. Даже не верится, что они действительно красноармейцами были.

И она начинала новое повествование, спеша поделиться, переполнявшими её, впечатлениями. Но больше всего ей понравились вечера у костра, и походная пища. И уха, и каша получались так вкусно! Дома, ну, хоть расстарайся – так не получится.

Ася несколько дней перестраивалась на обычную жизнь, не прекращая рассказывать о походных событиях. Отвлекла её книга. Она побывала в библиотеке и взяла почитать книгу «Дмитрий Донской» С. Бородина. Ох, и интересная та книжка оказалась! Ася перечитала её дважды с большим удовольствием.

А впереди оставалось почти целое лето. Летом можно заняться чем угодно: купаться в реке (благо их в городе целых шесть), проводить время с подружками, обсуждая фасоны платьев и вообще одежды. Да мало ли тем для приятных бесед? Можно мечтать о чём угодно.

Находясь под впечатлением очередной книги, Ася представляла себя то в роли отважной партизанки в тылу врага, то знаменитой дрессировщицей тигров, то боярыней или крестьянкой четырнадцатого века. Она придумывала наряды для своей героини, представляла её окружение, речь и поведение в то древнее время. Это было так увлекательно! Но дни пробегали за днями, и лето помаленьку подходило к концу.

За неделю до начала нового учебного года учащихся старших классов пригласили в новую школу. Пришла туда и Ася. Вместе с другими ребятами она носила стулья, школьные

столы в классы, протирала их и вместе с другими девочками мыла большие окна. Какое здесь всё было новое! Как приятно пахло краской и свежестью и как всё блестело! Ребята перезнакомились, но держались пока ещё напряжённо. К первому сентября класс был отмыт и украшен.

Ася сразу же погрузилась в учёбу, постепенно привыкая к одноклассникам, новым учителям и новым предметам. А привыкать было к чему. Собрались ребята со всего города, все со своими характерами. В общем, народец подобрался шибутной. Пара мальчишек соревновалась в чувстве юмора и умении повеселить класс. Несколько мальчиков и девочек были заняты исключительно учёбой и явно преуспевали в ней. Остальная масса учащихся вела себя, как обычные школьники, в меру проявляя старания во всех аспектах учебной деятельности.

«Вот зря считают, что дети, даже ученики старших классов, ничего не понимают в поведении взрослых. Не такие уж мы дураки. Можем хорошего преподавателя от плохого отличить. Хотя обсуждать учителей как-то стыдно. Ещё неизвестно, что из нас самих с годами получится...» — думала Ася.

В коллективе учителей новой школы тоже не было спаянности и единомыслия. Учителя появлялись и, проработав месяц, исчезали неизвестно куда, и они были такие разные. Учитель физики, например, уже третий за начало учебного года, голубоглазый брюнет, с именем Фердинанд сразу по-

корил сердца почти всех девочек. Они смотрели на него, не отрываясь, отчего он смущался и краснел. На его вопросы по теме урока мало кто мог вразумительно ответить, в голове девятиклассниц были только мечты о голубоглазом принце. Учитель истории частенько приходил на урок с глубокого «бодуна». Ася в этих случаях расстраивалась, ведь история всегда была её любимым предметом. Ведущая биологии дама, бывало, ела на уроках жареную рыбу, выглядывая из-за классного журнала с рыбными костями во рту, воинственно торчащими в разные стороны. Она бросала строгий взгляд на учеников, следя за дисциплиной во время самостоятельной работы по той или иной теме, и снова, прикрывшись журналом, продолжала есть свою рыбу. Наверное, очень рыбу любила. Хотя свой предмет знала и вела очень неплохо, если бы не эта рыба! Но зато уроки литературы проходили на редкость увлекательно. Полная и даже чем-то неприятная, на первый взгляд, учительница только открывала рот, как класс впадал в некую прострацию. Очарованные ученики замирали, слушая рассказы Клавдии Андреевны о жизни и творчестве писателей, в которых содержалось немало и исторического материала. На этих уроках времени всегда не хватало, хотелось слушать и слушать учительницу, поражаясь её глубоким знаниям предмета, выходящим далеко за рамки учебника. Так же интересно было на географии и на математике. Учительница по химии совсем не умела держать дисциплину и преподносила материал, не отклоня-

ясь от учебника, монотонным, нудным речитативом. Класс в это время «стоял на ушах». Все занимались своими делами, перекидывались записками и вертелись на своих местах, как флюгеры. Одним словом, химия занимала у Аси последнее место в рейтинге школьных предметов. Эти впечатления останутся у Аси навсегда.

Тем не менее, жизнь продолжалась. Ребята не только учились, но и проводили какие-то игры, соревнования, конкурсы, олимпиады, викторины, вечера и состязания в спорте. Они подшучивали друг над другом по-доброму, без злости. В школе проходил конкурс плаката с темой «Мир во всём мире» к одноимённому вечеру. Выбрали редколлегию и приступили к выбору основного рисунка.

– А я совсем рисовать не умею, – сказала Тоня, – вот только: палка, палка, огуречик, вот и вышел...

– Кошмар какой-то вышел. Огурец с двумя палками! – заржал Витька Краснов, – И какое отношение огурцы к миру во всём мире имеют? Давайте голубя нарисуем и напишем что-нибудь про мир.

– Ага! – возмутился Рафаил, – Вот зуб даю, все классы голубей рисовать будут и наш пятым на конкурс прилетит.

– А может, первым? – возразила Люда.

– Первым, ну и что? Где оригинальность? Нет! Не вариант! – забраковал идею о голубе Рафаил, – Думайте, что ещё нарисовать можно?

– Слушайте, давайте лист на две части поделим. На одной

стороне только чёрно-белые рисунки, ну, взрывы там, танки и надпись: Нет войне! А на другой – солнце, цветы. И надпись: Миру – да! – предложила Ася.

– Ну, ты – Малевич! – восхитился Краснов, – Вот и рисуй, давай!

– И нарисую. Я вообще рисовать люблю. А уж цветочки и солнышко, и ты бы нарисовать смог. Вот только, если мне кто-нибудь танки нарисовать поможет, – Ася обвела редколлегию вопросительным взглядом.

– Я могу. Я нарисую, – откликнулся Александр.

– Ну, вот. Можно сказать: полдела сделано, – подвёл итог Рафаил, – рисуйте, ребята. Да помогут Вам боги живописи!

Ася нарисовала несколько фигурок в одеждах стран мира, которые держали над головами транспарант с надписью «Миру – да!» Они стояли перед большой клумбой с цветами на фоне, пронизывающих всё пространство, солнечных лучей. Над второй частью рисунка трудился Саша, Ася лишь слегка корректировала композицию рисунка и надпись «Войне – нет!»

На конкурсе действительно были плакаты с одними голубями

– Вот! А я что Вам говорил? – гордо прохаживался вдоль стенда Рафаил, – всегда умных людей слушать надо!

Их плакат получил высшую оценку жюри и победил в опросе школьников. Класс наградили почётной грамотой. А Саша и Ася искупались в лучах славы и дружественных

похлопываниях по плечу.

«Раньше я больше принцесс рисовала, а теперь вот... Что-то давно мне не снилась моя арфисточка, прошло три года с той поры, как этот сон впервые мне приснился, сейчас мне уже почти пятнадцать, значит и ей столько же», — думала Ася.

И, как будто прочитав её мысли, кто-то снова поставил для неё, как старое кино, её волшебный сон. Снова на балконе рядом с арфой сидела девушка, чем-то неуловимо похожая на Асю. Она по-прежнему смотрела на море. Но теперь это было раннее утро, когда ночная прохлада только — только отступала. Заря уже родилась, и её мягкий золотистый свет разливался по вершинам прибрежных скал, внизу же у их подножия ещё ютились мрак и свежесть. Маленькие рыбацкие лодочки под парусом стремились по, сверкающей, серебристой поверхности воды, к выходу из бухты. Запоздавшие рыбаки отправлялись на свой ежедневный промысел.

— Ах, госпожа, как рано Вы поднялись сегодня. Я уж перепугалась, не найдя Вас в Вашей опочивальне, — промолвила, выбежавшая на балкон служанка.

— Ну, что ты, Дебора, что может случиться со мной? Я не могла сомкнуть глаз ночью и еле дождалась рассвета. Ведь сегодня приезжает мой отец. Мне не хватает терпения до встречи с ним. Так хочется скорее увидеть его и припасть к его руке! Всё-таки четыре месяца напряжённого ожидания, это так много! Подавай скорее завтрак. А потом одеваться,

и поспешим в гавань, навстречу ему! – возбуждённо и радостно говорила девушка.

– Сейчас, сейчас, госпожа. Завтрак будет подан через несколько минут. А потом я помогу Вам выбрать платье и украшения, – отозвалась Дебора.

После завтрака девушки торопясь выбирали из нарядов красивое и в то же время скромное платье для Паолины. Они остановились на платье из лёгкого шёлка в сиреневых оттенках, что очень шло к её глазам. Сверху девушка накинула плащ с прорезями для рук. Волосы подхватила лентой с серебристой вышивкой и жемчугом.

Через некоторое время Паолина и Дебора отправились в гавань Венеции, большого итальянского города, где уже собралась толпа встречающих корабли из дальнего плавания.

Невдалеке от берега под парусами стояло на приколе несколько кораблей и весёлые матросы, радуясь возвращению, быстро грузили товар с кораблей в лёгкие шлюпки, отправляя их к берегу. Здесь их встречали купцы в бархатных или шёлковых одеждах и замысловатых головных уборах с перьями и без них. Кричали матросы и возчики, восседающие в больших крытых повозках для груза. Толпа встречающих гудела множеством голосов, оживлённая радостной встречей.

Только выйдя из красивой, крытой повозки, принадлежащей её отцу, Паолина сразу увидела его. Он, был облачён в бархатный кафтан, мягкими складками спадающий с плеч,

в белоснежный нагрудник из тончайшего шёлка, виднеющийся в глубоком вырезе. Отец размахивал руками, показывая то на тюки и сундуки, то на корабль. При этом колоколообразные рукава его кафтана то взметались вверх, то опали вниз.

— Отец! — крикнула Паолина, пытаясь привлечь к себе его внимание.

Синьор Лоренцо Марино оглянулся и приветливо помахал ей рукой. Это был ещё не старый человек, которому минуло только пятьдесят четыре весны. Он был среднего роста, ещё достаточно бодр, крепок, и по-молодому худощав. Лоренцо не носил бороду и усы, брея лицо до лёгкой синевы, которое украшал крупный нос, широкие губы и добрые тёмно-карие глаза, окружённые сеткой морщинок.

Дождавшись шлюпку с недостающими вещами, Лоренцо приказал погрузить всё в повозку и пошёл навстречу дочери, распахнув руки для объятий. Среди толпы несколько человек внимательно следили за встречей дочери с отцом и среди них две пары глаз, обладателями которых оказались два молодых и очень богатых гражданина Венеции, не отводили взгляда от Паолины.

Лоренцо был богатым купцом, державшим в городе лавку, в которой продавались изысканные восточные ткани, благовония и драгоценные камни. К его услугам прибегали знатные особы, как представители известного семейства Медичей, так и другие богатейшие жители Италии. Дело

Марино процветало, его товары ценились высоко и пользовались большим спросом. Он пожертвовал значительную сумму на строительство новых церквей в Венеции и Риме. Но оно ещё продолжалось и никак не могло закончиться потому, что зодчим не всё удавалось сделать, а именно построить купола церквей.

В доме Лоренцо Марино царила праздничная суматоха, вызванная приездом хозяина. Все залы его большого дворца были вычищены до блеска. К приезду хозяина повара приготовили роскошный обед. На столе было множество овощей запечённых и приправленных восточными пряностями. Здесь же на огромном золотом блюде с изысканной чеканкой лежала гора всевозможных отборных фруктов. В чашах исходила тонким ароматом искусно приготовленная фазанья грудка. На блюде поменьше возвышался горкой рассыпчатый рис. Несколько соусов стояли в изящных кувшинчиках с зауженным горлышком. Гора лепёшек манила своим запахом свежее испеченного хлеба. Здесь были и сладкие конфеты, изготовленные из миндаля с мёдом, финики и фисташки, какие-то зёрна и семена, обжаренные в меду, привезённые отцом из дальних путешествий.

– Франки зовут эти лакомства *confie* или *dessert*, что переводится, как «обжаренное» или «убирать со стола», и подают их в самом конце трапезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.